

ТЕАТРАЛЬНЫЙ МІРОКЪ

еженедѣльная газета театральная, литературно-художественная и общественная.

Контора «ТЕАТРАЛЬ- НАГО МІРКА», при книжномъ магазинѣ Н. О. Розанова, Загородный пр., № 13.	РЕДАКЦІЯ «ТЕАТРАЛЬНАГО МІРКА» <i>С.-Петербургъ, Васильевск. островъ, 13 лин., д. 48, кв. 2.</i>	Подписная цѣна на годъ: безъ доставки . . . 6 р. съ доставкою . . . 7 » съ пересылкою . . . 8 »
---	---	--

НАШИ ЛИТЕРАТОРЫ.

(Окончаніе).

А. Н. Плещеевъ.

Благодаря всему этому я, быть можетъ, и не могъ иногда всецѣло отдаваться своей—какъ вы выражаетесь—«музѣ».. Для этого нужны совсѣмъ особенныя условія, начиная отъ полнаго спокойствія и отсутствія той снѣшной журнальной работы, о которой мы только-что говорили.. За послѣднее время я въ виду этого написалъ сравнительно очень немного въ этой области «поэзій»: мое послѣднее печатное произведеніе появилось въ сборникѣ, изданномъ въ память покойнаго С. А. Юрѣва.

— Но кромѣ того, А. Н., вѣдь вы много писали и для театра?

— «Довольно много—да.. Но вѣдь все это были почти исключительно передѣлки, вродѣ той напр., которая еще недавно была возобновлена въ бенефисѣ Е. Н. Жулевой.. Я самъ не придаю, конечно, этимъ передѣлкамъ никакого «значенія».. Я написалъ и кое-какія «оригинальныя» мелочи для театра, но даже не предназначалъ ихъ къ постановкѣ. Маленькій драматическій этюдъ «Крестница» былъ напр. помѣщенъ въ бо-хъ годахъ въ одномъ журналѣ, и совсѣмъ почти случайно шелъ потомъ на сценѣ московскаго театра, въ бенефисѣ Колосовой, которая сама захотѣла его поставить».

Меня очень заинтересовало узнать взглядъ А. Н. на значеніе для автора критики, или, точнѣе, на вліяніе критики на развитіе авторскаго дарованія.

— «Какое-же можетъ быть сомнѣніе въ томъ, замѣтилъ мас-титый поэтъ, что авторитетный критикъ можетъ и даже долженъ имѣть на развитіе таланта автора громадное вліяніе. Неужели можно утверждать, что напр. Бѣлинскій не имѣлъ рѣшающаго вліянія на многихъ изъ нашихъ писателей, выдвинувшихся въ дни дѣятельности великаго критика? Свѣдущая и безпристрастная критика необходима не только для «читателя», но, конечно, и для писателя, которому указанія такого рода критики могутъ принести безспорную пользу»..

Я простился съ гостепріимнымъ и радушнымъ хозяиномъ, поблагодаривъ его за любезный «разговоръ».

«А вѣдь все-таки, — замѣтилъ мнѣ одинъ находившійся здѣсь-же молодой литераторъ,—Алексѣй Николаевичъ не сказалъ вамъ одного:—своего нынѣшняго «прозвища».. Вы такъ и уйдете не узнавъ, какъ его называютъ многіе изъ его почитателей. Всѣ мы знаемъ его еще подъ названіемъ:—«padre mio»..»

А. Н. Майковъ.

Аполлону Николаевичу Майкову исполнится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ 70 лѣтъ. Но никто не даль-бы ему этого возраста: мас-

титый поэтъ не украшенъ еще даже полною сѣдиною; онъ — «poivre et sel», какъ выражаются французы...

Вошедши въ его свѣтлую и уютную квартиру (А. Н. давно уже живетъ на Садовой, противъ Юсупова сада), вы сразу убѣдитесь, что ея гостеприимный хозяинъ поэтъ «въ душѣ» и питаетъ, сверхъ всего, особенную страсть къ живописи... Въ небольшой гостинной (въ 2 окна), крытой краснымъ штофомъ, вы найдете на стѣнахъ нѣсколько фамильныхъ портретовъ очень хорошаго письма, въ кабинетѣ — прекрасную большую картину итальянской школы... Присутствіе рояля доказываетъ, что нашъ славный поэтъ-художникъ любитъ и музыку, а обиліе цвѣтовъ является какъ-бы дальнѣйшимъ дополненіемъ «вкусовъ» гостеприимнаго хозяина...

— Я дѣйствительно особенно люблю живопись, замѣтилъ намъ бодрый и симпатичный поэтъ-художникъ, — это, такъ сказать, наследственное достояніе всей нашей семьи. Эта страсть перешла и къ моимъ сыновьямъ, и ею же отличался и мой покойный отецъ Николай Аполлоновичъ Майковъ. Послѣ сраженія при Бородинѣ, гдѣ онъ былъ раненъ, отецъ, служившій, какъ и всѣ семь его братьевъ, въ кавалеріи, удалился для леченія въ деревню и здѣсь-то всѣ свои досуги почти исключительно посвящалъ любимому письму маслянными красками... Отъ дѣда, очевидно, эта любовь къ живописи перешла и къ его внукамъ, а моимъ сыновьямъ. Нѣкоторыя изъ картинъ, которыя вы только что разсматривали, писаны моими старшимъ и младшимъ сыновьями... Вотъ этотъ пейзажъ — это первая работа старшаго, который состоитъ теперь инспекторомъ ремесленного училища, а вотъ и его-же портретъ, но на-

рисованный уже младшимъ сыномъ — замѣчу кстати, только что обрадовавшимъ меня, старика своимъ прїѣздомъ.

Вы спрашиваете далѣе, какъ мое здоровье?.. Слава Богу — ничего. Веду я образъ жизни покойный и безтревожный и развѣ только могу жаловаться изрѣдка на свойственное, впрочемъ, моимъ лѣтамъ плохое пищевареніе...

Что я теперь пишу?.. Крупнаго ничего. Изъ моихъ болѣе значительныхъ произведеній послѣднимъ была поэма «Брунгильда», которую въ день своего юбилея я прочелъ, если вы можетъ быть, помните, еще въ рукописи... Болѣе мелкія произведенія у меня мало по малу накаплиются и теперь... Я всегда имѣлъ обыкновеніе собирать ихъ за 3, за 4 года, и вотъ и теперь сдамъ для «Русскаго Вѣстника» маленькое собраніе такихъ стихотвореній. Вѣроятно они появятся въ количествѣ 20—30 пьесъ еще въ февральской книгѣ этого журнала»...

Во время дальнѣйшей бесѣды зашла рѣчь и о Толстомъ.

— Да, графъ Левъ Николаевичъ — величайшій художникъ (замѣтилъ А. Н.), но сталъ теперь и парадоксальнѣйшимъ мыслителемъ. Послѣдній все болѣе обрисовывается въ его новѣйшихъ произведеніяхъ.

→*←

КОНСЕРВАТОРІЯ.

Э. Ф. Направникъ.

Городскіе слухи упорно связываютъ имя капельмейстера Э. Ф. Направника съ предстоящимъ замѣщеніемъ поста директора консерваторіи, покидаемаго А. Г. Рубинштейномъ. По поводу этихъ-то «слуховъ» мы и имѣли бесѣду съ Эдуардомъ Франзовичемъ...

Э. Ф. Направникъ принялъ насъ

въ своей квартирѣ, въ большомъ свѣтломъ залѣ. Масса цвѣтовъ, нѣсколько рѣдкихъ экземпляровъ пальмъ, бюстъ Бетховена, большой концертный рояль,—таковы нѣкоторыя «мелочи» въ «обстановкѣ» этого зала. На стѣнѣ здѣсь, кромѣ того, красуется замѣчательно схожій большой портретъ самого Эд. Фр. (работы художницы-любительницы г-жи Кохановской) и громадныхъ размѣровъ группа въ роскошной рамѣ изъ чернаго дерева. Это юбилейный подарокъ, сдѣланный Э. Ф. артистами опернаго оркестра... Тутъ-же виды Мариинскаго и Большаго театровъ, съ художественными виньетками работы Н. Н. Каразина. На большомъ овальномъ столѣ нѣсколько альбомовъ съ видами Парижа, Вѣны и т. д.

— Въ какомъ положеніи, спросили мы Э. Ф., находится теперь «консерваторскій вопросъ»? Есть ли шансы, что вы согласитесь принять предложенный вамъ постъ директора консерваторіи?

— «Вопросъ этотъ дѣйствительно былъ поднятъ, но до сихъ поръ окончательно не рѣшенъ и не разъясненъ. Дѣло въ томъ, что мои принципиальные взгляды на задачи, цѣли и положеніе консерваторіи значительно разнятся отъ того общаго состоянія, въ которомъ консерваторія находится теперь. Мое первое условіе заключается въ томъ, чтобъ консерваторія перешла въ непосредственное вѣдѣніе самаго правительства, чтобъ она стала, такъ сказать, строго правительственнымъ учрежденіемъ, не зависящимъ отъ музыкальнаго общества... Только при этомъ условіи мыслима, на мой взглядъ, правильная постановка дѣла. При нынѣшнемъ своемъ положеніи консерваторія, уже благодаря бюджету своему, является вынужденною принимать чрезмѣрное количество платныхъ, иногда не вполне способныхъ учениковъ

и пр. Представьте-же себѣ, въ какомъ состояніи волею-неволею находится здѣсь преподаваніе, когда количество учащихся достигало иногда 700 и даже 780 человекъ!.. Этимъ и объясняется то, что за тѣмъ изъ нашей консерваторіи выпускаются артисты, далеко не закончившіе своего музыкальнаго образованія, подвигающіеся даже затѣмъ въ опереткѣ и т. п.

Реформа именно должна коснуться здѣсь прежде всего самаго выбора между учащимися, допущенія только достойныхъ силъ и дарованія имъ возможности получить дѣйствительно серьезное и полное музыкальное образованіе... Но это будетъ мыслимо только при «внутренней независимости» консерваторіи отъ какихъ-либо матеріальныхъ соображеній... Вслѣдствіе этого я и поставилъ первымъ условіемъ упомянутыя измѣненія въ самомъ положеніи консерваторіи...

Затѣмъ я нашелъ необходимымъ дарованіе мнѣ довольно продолжительнаго, но, какъ вы увидите сами, вполне обоснованнаго срока для оцѣнки цѣлесообразности этой новой постановки дѣла... На мой взглядъ возможно вынести сужденіе о пользѣ предложенныхъ перемѣнъ только имѣя передъ собою два полныхъ выпуска учениковъ, а для этого требуется 12-лѣтній срокъ...

Таковы мои взгляды,—взгляды встрѣчающіе пока какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ»...

— Но затѣмъ вѣдь вы поставили, кромѣ того, обязательнымъ условіемъ сохраненіе вашего нынѣшняго поста капельмейстера русской оперы?

— «Да, русская опера для меня дороже всего на свѣтѣ. Русскій оперный оркестръ это моя любимѣйшая и драгоцѣннѣйшая забота и задача... Мнѣ въ виду этого и было предложено сохра-

нить высшее наблюдение за этимъ оркестромъ, избравъ по собственному усмотрѣнію двухъ помощниковъ-дирижеровъ. Вѣдь вы знаете, сколько труда требуютъ однѣ репетиціи и оркестровыя и хорова... Но повторяю, параллельнаго веденія моей нынѣшней капельмейстерской дѣятельности и директорства въ консерваторіи въ нынѣшнемъ ея видѣ я никогда принять не могъ-бы... Оркестръ музыкальнаго общества тоже въ данномъ случаѣ преграды представить не можетъ. Онъ обходится ежегодно въ 40—50 тысячъ, и я думаю, что нашъ нашъ оперный оркестръ могъ-бы свободно замѣнить его... Наши оперные музыканты согласились-бы, вѣроятно, участвовать при извѣстныхъ условіяхъ и въ концертахъ музыкальнаго общества...

Благодаря всему этому я и выработалъ упомянутый, единственно мыслимый для меня способъ завѣдыванія нашимъ оркестромъ и консерваторією, которую надо-же, наконецъ видоизмѣнить такъ, чтобъ она не была иногда поставщицею артистическихъ пролетаріевъ...

— Каково ваше мнѣніе о «частныхъ» музыкальныхъ школахъ?

— Я безусловный ихъ врагъ съ точки зрѣнія профессионально-артистической. Соглашаюсь, что для дилетантовъ, которые посвящаютъ свои досуги пѣнію или музыкѣ и имѣютъ инья занятія, оставляющія имъ только два-три часа «свободнаго времени», подобныя школы могутъ служить подспорьемъ для «самообразования», но въ качествѣ образовательныхъ учреждений для будущихъ профессиональныхъ артистовъ онѣ приносятъ только вредъ... Точно такъ и всѣ эти частныя «учителя», «учительницы», «профессора пѣнія» и пр. Въ особенности тѣ, которые сами были

«артистами» и подвизались на сценѣ, но, за негодностью или благодаря «старости», должны были разстаться съ собственною артистическою карьерою. Какъ можно «учить» тому, чего больше самъ не «можешь»? Въ большинствѣ случаевъ—все это эксплуатация прежней «популярности». У насъ есть эксъ-пѣвицы, которыя сами никогда не имѣли понятія даже о теоріи музыки и подвизались на сценѣ чуть не «на авось», а теперь берутся учить другихъ!.. Прибавьте къ этому всѣ эти шарлатанскіе приемы «собственной постановки» и передѣлки голоса ученика, который у Икса «учился» 2—3 года по одной «методѣ», а котораго Игрекъ начинаетъ вдругъ «переучивать» «по своему» и пр... Я понимаю, конечно, что «учительницами» могутъ быть такія силы, какъ Лукка—это да. Богато одаренная талантомъ, сама прошедшая серьезную школу, изучившая музыку, обладающая рѣдкимъ слухомъ, пониманіемъ, вкусомъ,—эта артистка можетъ принести дѣлу «обученія» громадную пользу. Я самъ знаю, что за дивное дарованіе у Лукки: я ее помню еще тогда, когда она послѣ перваго, почти случайнаго дебюта въ Вѣнѣ, пріѣхала въ Прагу и изучила здѣсь въ одинъ годъ 20 большихъ оперныхъ партій!.. Но вѣдь «Луккъ», кажется, не много, а наши доморощенные «профессора» доходятъ до того, что просто издѣваются надъ искусствомъ... Года два назадъ ко мнѣ лично напр. обратились съ просьбою рекомендовать въ одинъ городъ, на югъ, «учителя», который могъ-бы преподавать и игру на скрипкѣ и—пѣніе!

(Окончаніе въ слѣд. №).